

Храм Истины, Таиланд.
Божества индуизма порой
бывают требовательны и
жестоки, вплоть до челове-
ческих жертв. Но в обыден-
ной жизни им достаточно
пожертвовать немного еды
или цветов – символ радо-
сти жизни и восхищения
красотой этого мира

Abstract

The main difference between a temple and any other religious structure is that the former has an altar and a function of offering sacrifices. For thousands of years people have been offering various substances. The simplest sacrifices, like food or possessions, fragments of one's own body or human lives gave way to more complex and symbolic ones as the civilization evolved. People offered individuality, logic, common sense, lifestyle etc. Architectural features, structure and appearance of a temple are also formed according to characteristics of sacrifices. The temple of the 21st century is featured by sacrificing different kinds of emotions. That is why the temple architecture of the 21st century has such a wide range of diversity.

Keywords

Temple; sacrifice; culture; architecture; history; modern times; prospects

You also, as living stones, are built up as a spiritual house, to be a holy priesthood, to offer up spiritual sacrifices, acceptable to God through Jesus Christ.

1 Peter 2:5

According to the strict dictionary definition, a temple is not any structure where religious ceremonies are carried out. Unlike a chapel, a Christian temple has an altar, and it is in the temple where the main Christian sacrament of the Eucharist (transformation of bread and wine into Christ's flesh and blood) is administered (Neville, 2001). In this sense many religions have no temples at all – neither a mosque nor a synagogue have an altar and, consequently, they are not temples (Kieckhefer, 2014).

Thus the heart of the temple is an altar, a place for giving offerings to God (or gods). Let us look closer at the idea of sacrifice and offering sacrifices.

The most valuable and scarce things are offered to God. From the earliest times people offered food (cereal, vegetables, animals). The ancient Greeks, Romans and Jews burnt their food so that it

References

Ancient Greek art [Drevnegrecheskoe iskusstvo] (1890–1907). In: Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 vols. and 4 add.). vol. XI, pp. 126–133. Saint Petersburg.

Anselm of Canterbury (1995) Works. Translated by I.V. Kupreeva. Moscow: Kanon.

Bettini, Sergio (1984) Venice, the Pala d'Oro, and Constantinople. The treasure of San Marco, Venice. Metropolitan museum of Art. Milan: Olivetti, pp. 35–65

Дом жертвы / The House of Sacrifice

Аннотация

Главное отличие храма от любого другого культового сооружения – наличие алтаря и функция жертвоприношения. На протяжении многих тысячелетий люди приносили в жертву самые разнообразные сущности. Простейшие из жертв, как еда или имущество, фрагменты собственного тела или человеческие жизни, по мере развития цивилизации сменялись более сложными и символическими. В жертву приносились индивидуальность, логика и здравый смысл, образ жизни и так далее. Характер жертвы формирует и архитектурные особенности храма, его устройство и внешний вид. Для храма двадцать первого века характерно принесение в жертву эмоций, причем самых разнообразных. Поэтому храмовая архитектура XXI века – это архитектура, разнообразная в широчайшем диапазоне.

Ключевые слова

Храм, жертва, культура, архитектура, история, современность, перспективы

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text

Konstantin Lidin

...И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом.
Первое послание Петра, гл. 2, стих 5

Согласно строгому словарному определению, храмом можно назвать далеко не всякое сооружение, в котором совершаются религиозные обряды. В отличие от часовни (капеллы), христианский храм содержит в себе алтарь и в храме происходит главное таинство христианства – евхаристия, претворение хлеба и вина в плоть и кровь Христову.¹ В этом смысле многие религии вообще не имеют храмов – ни мечеть, ни синагога не содержат алтаря и, следовательно, храмами не являются.²

Итак, смысловой центр храма – алтарь, место, где происходит жертвоприношение Богу (или богам). Присмотримся теперь к понятию жертвы и жертвоприношения.

Богу жертвуют самое ценное, то, чего не хватает самим. С древнейших времен в жертву приносили еду – злаки, овощи, животных. Чтобы пища достигла божественных уст, древние греки, римляне и иудеи ее сжигали. С точки зрения индуизма или буддизма, прасад достаточно положить на алтарь, даже рядом с алтарем, и божества сами изымут из еды ее невидимую сущность. Для кришнаитов же любая еда в процессе приготовления одновременно

приносится в жертву, так что любая кухня становится храмом.³

Характер приносимой жертвы определяет и устройство, и архитектуру храма. Сжигать растительную, а тем более – животную пищу можно только в открытом, хорошо проветриваемом помещении. Так, греческий периптер вместо внешних стен окружен колоннадами, и даже целла продувается насквозь.⁴

А буддийский алтарь может примоститься практически в любом месте – на улице, в квартире, в древних развалинах – было бы куда поставить плочку с едой и питьем для бога.

Современному человеку гораздо труднее понять, какая связь существует между обычаем человеческих жертвоприношений и строительством ступенчатых пирамидальных храмов. Зиккураты Месопотамии, пирамиды Теночтитлана и пирамида Джосера в Саккара схожи не только формой, но и функцией. На ступенях всех этих пирамид происходили кровавые человеческие жертвоприношения. Особенно показательны в этом смысле египетские пирамиды. Похороны фараона сопровождалось массовым убийством слуг, наложниц и придворных – так, вокруг пирамиды Джера в Саккара обнаружено 388 захоронений, в основном женских. Практически все фараоны Первой династии уводили с собой в загробный мир десятки и сотни человек. Но уже ко временам фараона Снофру Третьей династии человеческие жертвы прекратились, и фараоны Четвертой династии строили свои пирамиды гладкими.⁵

1. Neville Robert C. Symbols of Jesus: a Christology of symbolic engagement – Cambridge: Cambridge University Press. 2001. – P. 64.

2. Richard Kieckhefer. Architectural Expression and Ways of Being Religious // The Oxford Handbook of Religion and the Arts. Edited by Frank Burch Brown. Oxford: Oxford University Press, 2014.

3. Klaus K. Klostermaier A Concise Encyclopedia of Hinduism. – Oxford: Oneworld 1998. – 243 p

4. Древне-греческое искусство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907. Т. XI. – С. 126–133.

5. Ивик О. История человеческих жертвоприношений. М.: Ломоносов, 2010. – 256 с.

6. Мавзолей Ленина. – М.: Просвещение, 1972. – 128 с.

Bitsadze, N.V. (2009) Temples of neo-Russian style: ideas, problems, clients [Khramy neorusskogo stilya: idei, problemy, zakazchiki]. Moscow: Nauchnyi mir.

The Code of engineering and construction SP 31–103–99. Buildings, structures and complexes of Orthodox temples [Svod pravil po proektirovaniyu i stroitelstvu SP31–103–99. Zdaniya, sooruzheniya i komplekсы pravoslavnykh khramov] (1999) Adopted by resolution of Gosstroj of the RF dated 27 December 1999. No 92. Launched on 27 December.

7. А. В. Щусев Начало работы над мавзолеем // Строительная газета, – 1940. – №11, 21 янв.

8. Sergio Bettini. Venice, the Pala d'Oro, and Constantinople // The treasure of San Marco, Venice. Metropolitan museum of Art. Milan: Olivetti – 1984, pp. 35–65.

9. Robert Tavernor. Palladio and Palladianism.– London: Thames & Hudson, 1991.– 16 p

10. Эко У. Баудолино // Пер. с итал. и послесловие Е. Костюкович.– СПб.: Симпозиум, 2003.– 544 с.

11. Ансельм Кентерберийский. Сочинения. Переводчик И. В. Купреева. М.: Канон, 1995. С. 39–56

Камбоджа. Храм Ангкор-Ват, построенный в период расцвета империи кхмеров, не имел никакого отношения к учению Гаутамы Будды. Однако сегодня буддийский алтарь уютно пристроился на древних камнях. Каждый может за скромную плату пожертвовать Будде немного еды или палочку благовоний. Аромат, как и вкус, – земные удовольствия, подаренные богу

could reach gods. According to Hinduism or Buddhism, it is enough to put prasada on or near the altar, and gods will take the invisible substance from the food. As for Krishnaites, any food is sacrificed during cooking, so any kitchen becomes a temple (Klostermaier, 1998).

Characteristics of offering determine both structure and architectural features of a temple. Vegetable and especially, animal food can be burnt only in an open and well-ventilated area. For example, the Greek peripter is surrounded by colonnades instead of walls, and even the cella is fully ventilated (Ancient Greek art, 1890–1907). The Buddhist altar can be placed anywhere – in the street, in an apartment, in ancient ruins – everything that is needed is a place to put a bowl with food and drink for god.

A modern human being can hardly understand the connection between the custom of human offerings and construction of step pyramid temples. Ziggurats in Mesopotamia, the pyramids of Tenochtitlan and the pyramid of Djoser in Saqqara are similar not only in form, but also in function. Bloody human sacrifices were offered on

Впрочем, массовые убийства во имя высшей справедливости и высшего смысла ушли в прошлое не окончательно. Представление о том, что богу приятно уничтожение одних людей другими, казалось бы, изжитое за много тысяч лет до нашей эры, вернулось в XX веке и воплотилось в гекатомбах Гражданской войны, красного террора и в архитектуре щусевского Мавзолея Ленина.⁶ Идеологическая и историческая основа ступенчатой формы Мавзолея, впрочем, не оглашалась. Архитектурное решение «просто возникло» безо всяких объяснений.⁷

В развитии храмовой архитектуры можно проследить периоды, когда люди приписывали богу собственную страсть к золоту и драгоценным камням. Сверкающие украшения теснились на алтаре, перекрывая любые современные представления о здравом смысле. Например, алтарь базилики св. Марка в Венеции (Пала д'Оро) из золота и позолоченного серебра содержит 300 сапфиров, 300 изумрудов, 50 рубинов, 400 гранатов, 90 аметистов, 1300 жемчужин, 75 кристаллов рубиновой шпинели, 4 топаза и 2 камеи. Алтарь составлен из 250 миниатюр в технике перегородчатой эмали на золотых пластинках, которые крестоносцы по наущению дожа Энрико Дандоло вывезли из разграбленного Константинополя в 1204 году.⁸

Позже, в эпоху Ренессанса, богу стали жертвовать не просто золото, но и ту власть и могущество, которое дает богатство. Церковь превратилась в политическую силу, папы римские – в банкиров и военачальников, а Бог стал царем и воином, величественным и великолепным, но одновременно жестоким и жадным. В результате сложился храмовый архитектурный стиль, в полной мере воплотивший идею власти, полученной непосредственно от Бога. Кристаллизовавшись в палладианстве, эта идея продолжает существовать и сейчас в архитектуре, казалось бы, далекой от Бога – в зданиях разнообразных правительств, банков, администраций и так далее.⁹

Чем сложнее и тоньше сущность, приносимая в жертву богам, тем труднее проследить связь между характером жертвы и архитектурой храма. Катакомбные храмы первохристиан погружают человека во внутриутробное состояние «до-рождения». Здесь верующий приносит в

the steps of all these pyramids. By the times of pharaoh Snofru of the Third dynasty human sacrifices had stopped, and the pharaohs of the Fourth dynasty made their pyramids smooth (Ivik, 2010).

The idea of annihilation of people to please god returned after many thousands of years and was embodied in hecatombes of the Civil war, the red terror and the architecture of Lenin's Mausoleum by Shchusev in the 20th century (Khan-Magomedov, 1972). However, the ideological and historical background of the Mausoleum's step form was not announced. The architectural decision 'just appeared' without any explanation (Shchusev, 1940).

As the temple architecture evolved, there were periods when people ascribed to god their own passion for gold and precious stones. Shining jewels were heaped on the altar, which was incompatible with present-day common sense. The altar of the St Mark's Basilica in Venice (Pala d'Oro) made of gold and silver gilt can serve as an example (Bettini, 1984).

Later, in the Renaissance epoch, people began to offer not only gold, but also the power it gives. The church turned into a political

жертву всю свою предыдущую жизнь, весь привычный уклад ее и ценности. Переродившись, он выходит на поверхность другим, новым человеком, чтобы по-новому строить отношения с полным соблазнов Римом и миром.

Однако превращение христианства в государственную религию отменило требование тотального перерождения. Византийское христианство подразумевает наличие Бога лишь внутри, в душе верующего. Внешние же формы его поведения должны служить земным повседневным делам. Можешь даже пытаться и убивать, если ты по профессии палач, но обязательно с молитвой.¹⁰ Таинство евхаристии окончательно приобрело смысл жертвы индивидуального «внутреннего пространства», прайвесии. Принимая Бога внутрь себя, причащающийся приносит в жертву глубины своей души. Идея отказа от индивидуальности и принятие единства во Христе выразилась в пузырящейся архитектуре Айя-Софии. Круглые купола византийского храма накрывают молящихся единым пространством, замыкая их в круге общей веры, где «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет

power, the popes – into bankers and commanders, and God became a tsar and a warrior, glorious and great, but at the same time cruel and greedy. This resulted in a new style of temple architecture reflecting the idea of power received directly from God. Having crystallized in the Palladian style, this idea still occurs in the present-day buildings of governments, banks, administrations, etc., though contemporary architecture seems to be quite distant from God (Tavernor, 1991).

The more complex and subtle the substance of offering is, the more difficult it is to trace the connection between the offering's nature and the architecture of the temple. Catacomb temples of the early Christians sink a human being into a prenatal condition. Here a believer offers all his previous life, its routine and values. Having been reborn, he goes out as a new human being to build new relationships with Rome and the world full of temptations.

However, when Christianity became a state religion, the total rebirth was no longer necessary. Byzantine Christianity requires a believer to have God only in his soul. His outward behavior should serve the mundane everyday life. If he is a headman, he can even

мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Послание апостола Павла к галатам, гл. 3, ст. 27–28).

Готический храм, устроенный как труба, уходящая в небо, предполагает жертву земными радостями и благами ради высшей радости и высшего блага. Ансельм Кентерберийский пишет: «есть некая природа, или субстанция, или сущность, которая сама по себе добра и велика, и через себя есть то, что она есть, и через которую есть всякое благое, или великое, или нечто, или которая есть высшее благо, высшая величина, высшее сущее и существующее, т.е. высшее (в отношении) всего существующего». ¹¹ Вот туда-то, к высшей сущности и ведет грациозная стрельчатость готики.

Каков же должен стать облик храма двадцать первого века? Какие жертвы созвучны нашему времени? Чем готовы мы пожертвовать?

В самом деле, новейшие времена характеризовались необычной тенденцией, согласно которой жертвоприношения одно за другим теряли религиозную сакральность и перемещались в сферу быденного. Человеческие жертвы присвоил себе профессиональный спорт – в этой сфере сломанные кости, вывернутые суставы, разбитые позвоночники давно уже никого не удивляют. Вот и в нашем городе наконец-то достроили Ледовый дворец, несмотря на алюминиевую обшивку весьма похожий на одну из пирамид фараона Снофру. Еда, напитки и прочие товары широкого потребления приносятся в жертву в супермаркетах, и жрецы-мерчендайзеры трудолюбиво расставляют их на сверкающих алтарях из стекла и пластика. Витрины храмов торговли широко распахнуты в окружающий мир, наподобие колоннады периптера, а их святилища – кассы – днем и ночью пропускают потоки паломников. Банки и биржи присвоили себе эстетику храмов Ренессанса с античной гармонией классических ордеров, роскошью отделки и идеей жертвоприношения богатства. Концертные залы и кинотеатры готовы померяться с византийскими церквями силой объединяющего воздействия на многотысячные толпы – ведь перед лицом массовой культуры нет ни эллина, ни иудея...

torture and kill, but the prayer is a must (Eco, 2003). Ultimately, the mystery of the Eucharist has acquired a sense of offering the individual 'inner space', or the privacy. When receiving God inside themselves, oblationaries sacrifice the depth of their souls. The idea to reject individuality and to receive communion was embodied in the bubbling architecture of Hagia Sophia. The round cupolas of the Byzantine temple cover the praying people with a common space, enclosing them in a circle of common belief.

The Gothic temple designed like a skyward tube contemplates a sacrifice of worldly goods and pleasures for the sake of the higher good and the higher pleasure. Anselm of Canterbury said: "There is a Nature, or Substance, or Being which through itself is good and great and which through itself is what it is; and through this Nature exists whatever truly is good or great or something. And this Nature is the Supreme Good, the Supreme Greatness, the Supreme Being, or Subsistence – i.e., the highest of all existing things" (Anselm of Canterbury, 1995). It is the supreme being that the graceful vaulting of Gothic aims at

Пожалуй, единственное, что человек двадцать первого века может пожертвовать Богу, – это свои эмоции. Все остальное у него уже отнято, поставлено на поток и производится промышленными способами. Только эмоции, переживания, волнения души все еще остаются подлинной личной собственностью, тем, что нельзя взять в кредит и передать по доверенности.

Эмоции бывают разные. Некоторые обладают очевидной и общепризнанной ценностью – например, эмоции группы «интерес» или группы «радость – гордость». Гордость воплощает восстановленный храм Христа Спасителя в Москве – высокомерный до заносчивости. Или храм Лотоса (церковь Бахаи) в Нью-Дели, своей причудливой формой привлекающий толпы любознательных туристов. В этом веке будет достроен и барселонский Саграда Фамилия, интереснейший проект великого Гауди.

Гораздо сложнее смириться с тем, что значительной ценностью могут обладать эмоции хаотического ряда из групп «гнев», «страх», «презрение». Этими эмоциями

Eco, U (2003) Baudolino. Translated from the Italian by E. Kostyukovich. Saint Petersburg: Symposium.

Ivik, O. (2010) The history of human sacrifices [Istoriya chelovecheskikh zhertvoprinosheniy]. Moscow: Lomonosov.

Khan-Magomedov, S.O. (1972) Lenin's Mausoleum [Mavzolei Lenina]. Moscow: Prosveshchenie.

Kieckhefer, Richard (2014) Architectural Expression and Ways of Being Religious. In: Frank Burch Brown ed. The Oxford Handbook of Religion and the Arts. Oxford: Oxford University Press.

12. К.Л. Лидин Бастинда наших дней // Архитектурный вестник, – 2007. – № 6 (99). – С. 34–36.

Мадара, Болгария. Скальный храм св. Пателеймона Целителя. Задолго до прихода христианства это место почиталось как жилище языческих богов. Сегодня люди, просящие об исцелении, приносят сюда жертвы – деньги и изображения христианских святых

Klostermaier, Klaus K. (1998) A Concise Encyclopedia of Hinduism. Oxford: Oneworld.

Laitar, N.V. (2010) Contemporary Orthodox church architecture of Russia. Trends of the style development and the typology of temples [Sovremennaya pravoslavnaya tserkovnaya arkhitektura Rossii. Tendentsii stilevogo razvitiya i tipologiya khramov]. Ph. D. in History of Arts Dissertation. Saint Petersburg. Retrieved from <<http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-pravoslavnaya-tserkovnaya-arkhitektura-rossii-tendentsii-stilevogo-razvitiya-i-0#ixzz2y7kQdRHL>>.

13. Н.В. Лайтарь
Современная православная церковная архитектура России. Тенденции стилевого развития и типология храмов. Дисс. ... канд. искусствовед. СПб, 2010 // Науч. б-ка диссертаций и автореф. disserCat – <http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-pravoslavnaya-tserkovnaya-arkhitektura-rossii-tendentsii-stilevogo-razvitiya-i-0#ixzz2y7kQdRHL>

14. Свод правил по проекти-

The new time had an unusual trend, according to which sacrifices lost their religious sacrality and moved into the sphere of routine. Human sacrifices are now offered to the professional sports: broken bones, dislocated joints, spine injuries have become a common thing. Food, drinks and other consumer goods are sacrificed in supermarkets, and sacrificers-merchandisers arrange them on the shining altars made of glass and plastic. Windows of trade temples are wide open to the world like a colonnade of the peripter. And every night and day flows of pilgrims go through their sancta – cashier's desks. Banks and exchanges have appropriated the aesthetics of Renaissance temples with ancient harmony of classic orders, luxury decorations and the idea of offering wealth.

In the 21st century the only thing people can offer to God is their emotions. All other things are turned into manufacture, produced in mass and do not already belong to them.

There are different kinds of emotions. The value of some of them is obvious and generally recognized, for example, the emotions of the group 'interest' or the group 'happiness-pride'. Pride is

embodied in the restored Cathedral of Christ the Saviour in Moscow, which looks haughty. Or the Lotus Temple (Bahá'í church) in New Delhi attracting crowds of tourists with its bizarre form. Or an interesting project by the great Gaudi, Sagrada Familia in Barcelona, which will be finished in this century.

It is harder to assume that emotions of the chaotic raw from the groups 'anger', 'fear' and 'contempt' can be of substantial value, too. There are a lot of such emotions in deconstructivism – an architectural analogue to the thriller genre. In Hainburg and der Donau (Austria) there is the Martin Luther Church built in a pure deconstructivist style (Coop Himmelb(l)au architects, 2008–2011). The authors of the project say that the idea was inspired by Zaha Hadid's works. We have analyzed more than one hundred photographs of Zaha Hadid's works from the website <http://www.e-architect.co.uk> with the program ImageExpert. With a rare exception, in the works by this fascinating master the emotions of anger, anxiety, contempt and annoyance prevail (Lidin, 2007).

насыщен стиль деконструктивизм – архитектурный аналог кинематографического и литературного жанра «триллер». Как ни странно, но и эти эмоции нынче оказались в дефиците. Им нет места в современном западном образе жизни. Их нельзя выражать открыто, приходится подавлять и прятать. Даже если все окружающее уже опротивело или приводит в бешенство – следует молчать и улыбаться. И вот уже в городе Гайнбурге-на-Донау (Австрия) построен храм Мартина Лютера в чисто выдержанном деконструктивистском стиле (бюро Coop Himmelb(l)au architects, 2008–2011 гг.) Авторы проекта утверждают, что идея была инспирирована работами Захи Хадид. Мы проанализировали программой ImageExpert всю подборку фотографий по работам Захи Хадид с сайта <http://www.e-architect.co.uk> (больше ста кадров).

Вывод однозначный: за редким исключением в работах этого замечательного мастера преобладают эмоции раздражения, гнева, тревоги, беспокойства, пренебрежения и досады.¹²

В немногочисленных аналитических работах, посвященных современному православному храмостроительству, настойчиво повторяется вывод о консерватизме новых проектов, их обращенности к одной и той же эпохе в развитии православной храмовой архитектуры.¹³ В качестве примеров новаторского решения темы называют всего несколько проектов – проект собора Архангела Михаила в Архангельске (архитектурная мастерская М.А. Мамошина), проект церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи для Кировска (П.И. Лошаков, 1998). В список попал даже дипломный проект

Храм Ясукуни, Япония. Синтоистский храм, посвященный не традиционным богам ками, а погибшим на поле сражения воинам. Среди канонизированных – и те, кто признан военными преступниками. Каждый раз, как этот храм посещает премьер-министр Японии, разгорается международный скандал, однако эти посещения продолжаются. В жертву богам приносится международная безопасность

Analytical works devoted to contemporary building of Orthodox temples, which are few in number, contain a repeated conclusion about conservatism of new projects and their reference to one and the same epoch of the development of Orthodox temple architecture (Laitar, 2010).

Conservatism of the Orthodox temple architecture was well demonstrated in a wonderful document "Code of engineering and construction. Buildings, structures and complexes of Orthodox temples" worked out and adopted by resolution of Gosstroj of Russia dated 27 December 1999 (The Code of engineering and construction SP 31-103-99. Buildings, structures and complexes of Orthodox temples, 1999). The document contains requirements for sizes and structures of churches, belfries and chapels and gives examples of temples that comply with canons of the Russian Church.

A stable orientation towards the "Byzantine-Russian" style refers us to the turn of the last century. In the late 19th – early 20th centuries the search for a new national ideal led to a split in

the emerging modern. The Moscow variant had more pompous and proud features typical of 'exemplary temples' by K. Ton. At the same time in Saint Petersburg the style evolved on the basis of traditions of northern architecture of ancient Novgorod and Pskov, which were much more severe and sober (Bitsadze, 2009). In the projects by V.A. Pokrovsky, S. Krichinsky, German Grim the emotions of the group 'shame' (meekness, humility) and 'conscience' (duty, honor) prevail. These very emotions serve as the basis for conservatism and traditionalism.

For me, it is obvious that in the current century a place where people can sacrifice as big variety of emotions as possible can play and will be able to play a role of a temple. If a city has many churches with various stylistic and emotional images, everybody will be able to choose an emotion to put on the altar. Maybe then citizens will turn their backs on primitive pleasures of sports fanaticism or shopaholism and turn their faces toward a spiritual sacrifice full of deep senses raising the soul.

Lidin, K.L. (2007) Latter-day Bastinda [Bastinda nashikh dnei]. Arkhitekturnyi vestnik. 6 (99), pp. 34–36.

Neville, Robert C. (2001) Symbols of Jesus: a Christology of symbolic engagement. Cambridge: Cambridge University Press.

Shchusev, A.V. (1940) The beginning of work on the mausoleum [Nachalo raboty nad mavsoleem]. Stroitel'naya gazeta, no. 11, 21 January.

Tavernor, Robert (1991) Palladio and Palladianism. London: Thames & Hudson.

собора Святого Николая Чудотворца в Нижнем Тагиле (М.В. Ченцов, 2003), выполненный на кафедре архитектуры Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. При этом в качестве новаторского элемента указывается использование железобетонных конструкций, «что выражается в динамичном взаимодействии геометрических архитектурных форм, в остроте архитектурных композиций» (там же). Впрочем, автор тут же признает, что эти принципы формообразования были характерны уже для зодчества конструктивизма.

Консерватизм православной храмовой архитектуры в полной мере выразился в замечательном документе: «Свод правил по проектированию и строительству. Здания, сооружения и комплексы православных храмов»,

составленный и принятый постановлением Госстроя России от 27 декабря 1999 года.¹⁴ «Свод» был разработан руководителями архитектурно-художественного центра при Московской патриархии – «Арххрам» М.Ю. Кеслером и А.В. Оболенским. В издании содержатся требования к размерам и конструкциям церквей, колоколен, часовен, представлены примеры храмовых сооружений, соответствующих каноническим правилам Русской православной церкви.

Позиция заказчика православных храмов, впрочем, становится более понятной, если учесть, какие эмоции приносятся в жертву в этих храмах. Устойчивая ориентировка на русско-византийский стиль отсылает нас к рубежу прошлого и позапрошлого века. В конце XIX – начале XX века поиски новой национальной идеи привели к расщеплению нарождающегося модерна. «Московский» вариант стиля приобрел черты более помпезные и горделивые, характерные для «образцовых храмов» К. Тона. В то же время в Санкт-Петербурге стиль развивался с опорой на традиции северной архитектуры древнего Новгорода и Пскова, гораздо более суровые и сдержанные.¹⁵ В проектах В.А. Покровского, С. Кричинского, Германа Грима преобладают эмоции группы «стыд» (кротость, смирение) и «совесть» (долг, честь). Эти-то эмоции как раз и являются основой консерватизма, приверженности традициям.

Тем временем, пока критики и аналитики спорят о путях развития зодчества в двадцать первом веке, этот самый век уже перевалил на второй десяток лет. И мне лично кажется уже очевидным: роль храма в этом веке исполняет и будет исполнять то место, в котором люди смогут принести в жертву как можно более разнообразные эмоции. Если в городе будет множество церквей с самым различным стилистическим и эмоциональным образом, то каждый сможет выбрать для себя какую эмоцию принести на алтарь. И, может быть, тогда современные горожане отвернутся от примитивных удовольствий спортивного фанатизма или наркотической одури шопинга. И повернутся лицом к возвышающей, полной глубоких смыслов жертве духовной.

рованию и строительству СП 31-103-99 «Здания, сооружения и комплексы православных храмов» (утв. Постановлением Госстроя РФ от 27 декабря 1999 г. №92). Дата введения 27 декабря 1999 г.

15. Н.В. Бицадзе Храмы неорусского стиля: идеи, проблемы, заказчики. – М.: Научный мир. 2009. – 368 с.

Деконструктивистский храм Мартина Лютера в Гайнбурге (Австрия). В жертву богу, в которого превратился борец за права чернокожих, приносятся эмоции группы «гнев, страх, презрение» – те самые, с которыми он сражался при жизни

